

Ли Тану потребовалось мгновение, чтобы снова обрести дар речи.

— Нет, — сказал он, не желая, чтобы другие считали его незрелым ребенком. Он все отрицал:
— Мой дом находится совсем рядом со школой, мама ждет меня дома.

Так что мне не нужно об этом мечтать.

Но воспоминания и сопутствующие им тревога и страх были еще свежи. Ли Тан глубоко вздохнул, смутно осознавая, что его реакция была не столько для других, сколько для себя.

Цзян Лу дернул уголком рта, словно услышав шутку, но, похоже, не поверил ему.

Вернувшись на свое место, он взял сумку и вместо того, чтобы выйти через заднюю дверь, направился напрямиком к кафедре.

Проходя мимо Ли Тана, он небрежно бросил:

— Тогда иди домой пораньше.

Вечером у Ли Тана не было вечерней самоподготовки, он играл в одиночные видеоигры в гостиной, изредка поглядывая наверх, чтобы посмотреть, не спустилась ли Чжан Чжаоюэ.

В это время тетушка принесла ему немного фруктов и немного побеседовала с ним.

— Когда я выходила за продуктами, я услышала, что возле школы № 1 Сюйчэн часто бродят малолетние нарушители. Будь осторожен, по дороге в школу.

Эту новую домработницу нанял отец Ли Тана, Ли Юаньшань, и, вероятно, Ли Юаньшань дал ей какие-то указания. Ли Тан часто чувствовал, что домработница чрезмерно о нем заботится.

Он ответил небрежно, а затем услышал вопрос тети:

— Ты почти не ел за завтраком, еда тебе не по вкусу? Может, мне скорректировать меню?

Ли Тан собирался сказать, что любит хлеб с молоком, но вдруг вспомнил, что Чжан Чжаоюэ предпочитает традиционный китайский завтрак. Он проглотил слова и ответил:

— Не нужно, я просто мало ем.

Подумав немного, он добавил:

— По субботам и воскресеньям, если моя мама проснется, позови меня.

По мнению Ли Тана, привязанность к матери была инстинктивной, а не вызвана тоской по дому.

В первый выходной день после начала школьных занятий, чтобы укрепить свой имидж человека, который вписывается в коллектив, Ли Тан принял приглашение Чжоу Дунцзе посетить кафе его семьи.

Это было кафе, и в маленьком городе, не способном сравниться с богатством и модой столицы, подобных заведений было хоть пруд пруди, по одному на каждые пятьдесят метров улицы. Однако в этом старом городском районе чрезмерно художественная вывеска выделялась среди магазинов фруктов, готовой еды и хозяйственных лавок, выглядя неуместно.

Проработав всего месяц, кафе уже успело набрать приличную посещаемость. Помимо Ли Тана и Ли Цзычу, Чжоу Дунцзе пригласил еще нескольких одноклассников, включая Хо Сичэня, который в последнее время много играл с Цзян Лу.

Однако Хо Сичэнь выглядел раздраженным и настоятельно просил Чжоу Дунцзе подать кофе, как только он сядет, сказав, что уйдет, как только выпьет его.

Чжоу Дунцзе поддразнил:

— Куда ты собрался? Неужели ты опять гоняешься за той девчонкой из соседнего класса?

Хо Сичэнь фыркнул:

— Су Циньхань ухаживает за Цзян Лу, я не собираюсь состязаться с другом из-за девушки.

Услышав знакомое имя, Ли Тан насторожился.

— Тогда почему ты так торопишься? — рассмеялся Чжоу Дунцзе. — В любом случае, ты не хочешь идти домой, так что можешь остаться здесь и еще немного поиграть.

Что касается сложной семейной ситуации Хо Сичэня, то об этом уже слышал каждый.

Однако оставалось еще много вещей, о которых они не знали.

Хо Сичэнь бросил свирепый взгляд на человека, сидевшего рядом с Ли Таном, одним глотком осушил лимонную воду на столе и, воспользовавшись всеобщим пустым разговором, тихо пробормотал:

— Мне, пожалуй, пора домой.

Ли Тан чувствовал то же самое.

Но поскольку он уже пришел, было бы невежливо уйти, даже не посидев.

Поэтому он сидел там, просматривая свой телефон, время от времени проверяя время и угадывая, когда проснется его мать.

Во второй половине встречи к ним присоединились несколько учеников из соседнего класса.

Среди них была Су Циньхань.

Все подзадоривали друг друга ради развлечения, и хотя Хо Сичэнь только что заявил, что не будет соперничать со своим другом, теперь, когда он увидел девушку, которая ему понравилась, его лицо вспыхнуло, и высокий парень неловко повернулся спиной, отпивая кофе маленькими, изящными глотками.

Внезапно услышав смех, Ли Тан, объяснявший Чжоу Дунцзе задание по английскому, повернул голову. Ли Цзычу поджал губы, словно пытаясь скрыть улыбку.

— Извините, я не смог сдержаться.

Когда Ли Тан собирался спросить, что же тут смешного, Су Циньхань спросила Хо Сичэня перед всеми:

— Почему Цзян Лу нет здесь?

На лице Хо Сичэня отразилось разбитое сердце, он поник и сказал:

— Мы пригласили его, но он сказал, что занят.

— Чем он занят?

— Откуда мне знать?

Мальчик из соседнего класса вмешался:

— Может быть, он пошел работать, ведь он живет один, так как его родители умерли?

Другой человек вмешался:

— Но он же получает стипендию каждый год, зачем ему работать?

Слово «стипендия» было далеким и незнакомым для Ли Тана.

Однако разобраться в этом было несложно. В контексте среднего образования термин «стипендия» в основном означал образовательную субсидию, предоставляемую бюро образования или правительством выдающимся учащимся, испытывающим финансовые трудности.

Выдающиеся академические успехи и финансовые трудности — вот два условия, которым Ли Тан не соответствовал, поэтому он, естественно, не имел права на получение стипендии.

Как и большинство людей, он поначалу, услышав об этом, счел Цзян Лу очень талантливым, обладателем общепризнанного таланта. Затем пришло осознание, и он понял, как устроена его семья.

Оба родителя умерли, поэтому он жил один.

А вчера вечером в классе, когда он упомянул слова «мама» и «дом», какие чувства он питал?

Когда встреча закончилась, на улице начал накрапывать дождь.

Ловить такси в этом районе было неудобно, поэтому Ли Тан вызвал водителя и стал ждать под навесом у кафе.

Через некоторое время дверь кафе открылась, раздался приветственный звонок «динь-дон», и рядом с ним остановился человек.

Су Циньхань держала тонкую сигарету между пальцами и неглубоко затягивалась.

— Ты сосед Цзян Лу по парте?

Когда она говорила с Ли Таном, она находилась в совершенно ином состоянии, чем когда говорила с Цзян Лу. Теперь, хоть она и оставалась высокомерной и надменной, она, по крайней мере, была расслабленной и естественной. Вероятно, в этом и заключалась разница между равнодушием и привязанностью.

Ли Тан кивнул.

Он ожидал, что девушка доверит ему присматривать за Цзян Лу, как в романтических дорамах, или воспользуется его близостью, чтобы собирать для нее информацию. Вместо этого Су Циньхань достала из сумки телефон и показала ему QR-код.

— Давай обменяемся WeChat.

Каждый раз, когда Ли Тан добавлял нового друга, первым делом он проверял его моменты.

Возможно, чтобы сохранить репутацию перед своим отцом, который был директором школы, моменты Су Циньхань были на удивление чистыми.

Никакого курения, никакого алкоголя, никакого бунтарства. В основном она публиковала отрывки из своего ежедневного опыта: сегодня она делала маникюр с подругами, мечтала посмотреть полночный фильм и так далее.

Только один пост выделялся среди остальных, в нем была представлена книга «сборник стихотворений Шекспира» с подписью: «Раз уж ты любишь поэтов, я стану для тебя поэтом».

Однако Цзян Лу обычно не читал поэзию и, вероятно, не любил курить.

В понедельник утром Ли Тан воспользовался тем, что Цзян Лу спал на столе, чтобы наклониться и понюхать. Запаха сигарет не было.

На мгновение у Ли Тан возникло желание отправить сообщение в WeChat Су Циньхань, предложив ей проверить точность своей информации, прежде чем преследовать кого-либо, чтобы избежать напрасных усилий.

Конечно, он так и не отправил его. Сердечные дела были для посторонних настоящим табу, и Ли Тан не хотел, чтобы Цзян Лу подумал, что он вмешивается.

Второй год обучения в старшей школе только начался, и учебный процесс был не слишком интенсивным. Ходили слухи, что со следующей недели они перейдут на один выходной в неделю.

Днем после урока английского языка состоялось классное собрание. Учитель Лю опаздывал из-за собрания, и учительница английского не собиралась читать лекцию. Она позволила недавно назначенному представителю класса включить музыку для всех.

Результаты Ли Тана на английском были довольно хорошими, во многом благодаря его любви к американским и британским телесериалам, а песни, которые он обычно слушал, были на английском языке.

Получив задание, он поднялся на трибуну и вошел в свою учетную запись на музыкальной платформе, используя компьютер класса.

Он был странно нервным. В этом возрасте ни один подросток не застрахован от беспокойства о репутации, и Ли Тан переживал, что его плейлисту не хватает вкуса и одноклассники будут над ним смеяться.

К счастью, пугающего сценария не произошло. Все либо делали уроки, либо дремали, и только когда заиграла музыка, люди постепенно подняли головы.

Учительница английского языка не могла видеть их упадок сил и закричала:

— Посмотрите на себя, вялые и безжизненные. Где же энергия молодости? Давайте, все, подпевайте!

Песни в этом плейлисте были довольно малоизвестными, почти без знакомых мотивов. У первой песни была живая мелодия, а текст был довольно вдохновляющим: в нем говорилось о том, что не хочется тратить дни на размышления. Учительница английского языка, пребывая в приподнятом настроении, даже вставила фразу в качестве внеклассного дополнения.

Вторая песня была из саундтрека к фильму, пение было приглушенным, и только сегодня, когда текст песни появился на экране, а весь класс подпевал, Ли Тан узнал точный текст.

...

У тебя поврежден слух.

Твои мысли тревожны.

Говорят, что тебе становится лучше.

Но ты не чувствуешь улучшения.

ПП: Песня из саундтрека к фильму «Сумерки. Сага. Новолуние», называется «Hearing Damage». Ее исполняет Thom Yorke (Том Йорк), вокалист группы Radiohead. Перевод вольный.

Пока они пели, кто-то запел, и взгляды всех присутствующих один за другим упали на последнюю парту четвертого ряда: те, кто слышал слухи о глухоте Цзян Лу, те, кто хоть что-то слышал об этом, обычно не особо вникали в подробности. Теперь же одна песня мгновенно пробудила в них затаенное любопытство.

Некоторые шептались, говоря, что текст песни слишком подходит и вызывает у них мурашки.

Другие спрашивали, как была исполнена эта песня, было ли это намеренно?

Даже сам Ли Тан чувствовал, что исполнение этой песни перед Цзян Лу было равносильно намеренной попытке вызвать у него дискомфорт.

Но кто знал, что он добавил эту песню в свой плейлист с помощью функции распознавания песен, и до сегодняшнего дня он никогда не удосуживался как следует прочитать текст.

Ли Тан уже вернулся на свое место и посмотрел налево. Цзян Лу подпирал щеку правой рукой, повернувшись лицом к окну. С того места, где сидел Ли Тан, он видел только резкие линии его профиля и правое ухо.

Здоровое правое ухо.

Сегодня Цзян Лу выглядел необычайно уставшим и дремал даже во время занятий, за исключением перерывов.

Словно почувствовав что-то, Цзян Лу повернул голову и, зевая, небрежно оглядел класс. Ученики замолчали, больше не глядя в ту сторону.

Ли Тан поспешил воспользоваться возможностью и объяснить:

— Я не хотел.

Услышав это, Цзян Лу взглянул на него, а затем поднял взгляд на экран.

У тебя поврежден слух.

Твои мысли тревожны.

Говорят, что тебе становится лучше.

Но ты не чувствуешь улучшения.

...

У Ли Тана перехватило дыхание.

Возникло ощущение, что он не в состоянии защитить себя, и он, заикаясь, произнес:

— Это из плейлиста, я не знал... Я правда не хотел.

Когда он подумал, что Цзян Лу рассердился, глядя на холодное выражение его лица, Цзян Лу внезапно изогнул губы в улыбке.

— Какой плейлист? Я тоже добавлю его в свою коллекцию.

До поздней ночи Ли Тан проверял свой телефон и не видел никаких новых уведомлений о добавлении плейлистов.

Очевидно, он написал название плейлиста на листке бумаги и отдал его Цзян Лу.

На следующий день все вернулось на круги своя. Ученики по-прежнему приходили поиграть на переменах, а Цзян Лу уступил свой стол и стул, сам прислонился к окну, время от времени вставляя несколько слов. Как всегда, он улыбался, всегда популярный.

Достаточно популярен, чтобы вызвать зависть у Ли Тана.

В тот вечер учитель Лю посвятил самоподготовке проверке контрольных работ и закончил ее с опозданием на несколько минут. По совпадению, в это время прилетел самолет отца Ли Тана, и водитель поехал за ним в аэропорт. Изначально Ли Тан планировал вернуться на такси и подождать у ворот школы, но, долго стоя, не смог поймать свободное такси. У него не было другого выбора, кроме как идти обратно пешком по дороге.

По дороге он отправил Цао Яну сообщение в WeChat, пожаловавшись на то, что в этом Богом забытом месте после девяти часов вечера нет ночной жизни, а на улицах нет ни души.

Цао Ян был занят чем-то и долго не отвечал. Ли Тан, подавленный, спрятал телефон обратно в карман. Подняв глаза, он увидел впереди на перекрестке несколько человек.

Это были молодые люди лет двадцати с небольшим, ярко одетые, стоявшие в небрежной позе с сигаретами в руках. Когда они увидели Ли Тана, их глаза заблестели, словно голодные волки, высматривающие добычу.

Цзян Лу последним вышел из класса, запер дверь, повесил рюкзак на плечо и неторопливо вышел.

Сегодня ему не нужно было идти в боксерский зал. После двух боев, проведенных вчера вечером, он был весь в синяках и опух, и старик Чжан ни за что не позволил бы ему драться снова.

Достигнув школьных ворот, он заметил на другой стороне дороги скопление фигур, мерцающих отблесками света. Цзян Лу предположил, что это ученики профессионального училища снова пришли сюда за угощениями. Подойдя ближе, он увидел, что они кого-то окружают.

Рост чуть больше 1,7 метра, тонкая шея и большие глаза. Возможно, испугавшись, он сжал плечи и прижался спиной к стене, его и без того бледная кожа стала еще бледнее, выглядя немного жалко и смешно.

Это был его сосед по парте, Ли Тан.

Поскольку они были за пределами кампуса, не было нужды поддерживать дружелюбие. Цзян Лу отвел взгляд, засунул руки в карманы, опустил глаза и ускорил шаг, чтобы пройти мимо.

Пройдя несколько шагов, он услышал за спиной дрожащий голос Ли Тана:

— Только... только эти часы... правда, эти часы многого не стоят...

Он всегда использовал слова «правда», чтобы подчеркнуть, что он не лжет.

К сожалению, убедительности в этом было ноль. Хулиганы ему не поверили, и до него донеслись звуки борьбы и крики боли Ли Тана.

Цзян Лу едва заметно нахмурил брови.

Казалось, у него не было никакого чувства мести.

В этот момент Ли Тан пожалел обо всем.

Он пожалел, что надел сегодня эти часы. Хотя они и были недорогими, это был подарок от Чжан Чжаоюэ. Он также пожалел, что не воспринял предупреждение домработницы всерьез и задержался у школьных ворот.

Бандиты, блокировавшие его, судя по всему, давно за ним наблюдали. Только что они спросили, почему сегодня после школы его не забрал Mercedes-Benz.

Его сопротивление было смехотворным. Несмотря на отчаянное сопротивление, он не смог вырваться из хватки главаря на своей руке. Как раз когда часы собирались снять с его запястья, издали послышались шаги, которые остановились менее чем в двух метрах.

Бандиты обернулись на звук, и главарь нетерпеливо сказал:

— Убирайся, не лезь в чужие дела. Верить или нет, но мы с друзьями...

Прежде чем он успел договорить, кулак Цзян Лу врезался ему в лицо.

Ли Тан, родившийся в самом безопасном районе столицы и с детства обучавшийся в частных школах, впервые стал свидетелем драки.

Если быть точным, это было избиение. Движения Цзян Лу не казались особенно превосходными, возможно, он побеждал благодаря быстрой реакции и достаточной силе. Звук ударов кулаков о плоть был таким громким, что сердце Ли Тана дрогнуло.

Всего несколько ударов и бандит был повален на землю. Остальные же, словно напоказ, трусили, увидев, как их главарь так легко получил поражение. Прежде чем Цзян Лу успел обернуться, они отступили далеко.

Главарь бандитов поднялся с земли, сплюнув кровь изо рта.

— Ты сукин сын...

Он сделал два шага вперед, но Цзян Лу нанес ему удар ногой в живот, и он с грохотом приземлился на землю.

На этот раз он не смог встать.

Когда бандиты, прихрамывая, ушли, поддерживая друг друга, Ли Тан наконец пришел в себя. Он положил снятые часы в карман и поспешил следом.

Цзян Лу шел очень быстро, не проронив ни слова от начала до конца. Ли Тан даже догадался, что он не разглядел, кого именно спас.

— Как ты? — Ли Тан вспомнил, что он только что видел под уличным фонарем, и с тревогой спросил: — Я видел рану на твоей руке.

Не дожидаясь ответа, Цзян Лу резко остановился. Ли Тан, по инерции влекомый инерцией вперед, промчался на несколько метров.

Остановившись, Ли Тан смущенно обернулся. Под ближайшим фонарным столбом показался Цзян Лу, стоящий в одиночестве. Прохладный осенний ветерок мягко обдувал его, одежда прилипла к телу, отчего он казался высоким и стройным, но худым. Он также развевал его челку, открывая оба глаза.

Глазницы у него были слегка запавшими, отчего взгляд казался глубоким. Четко очерченные черно-белые зрачки даже без каких-либо эмоций легко напоминали спокойное море перед приливом или зеркало, которое разбивается от прикосновения.

— Проверяешь меня?

— ...Что?

— Не притворяйся, — сказал Цзян Лу. — Ты же знаешь, кто я.

В этот момент внимание Ли Тана было привлечено другим, его мысли закружились в вихре и унеслись прочь.

Он считал, что в человеке, находящемся перед ним, всегда сочетаются противоречивые черты, такие как скрытая опасность и хрупкость на грани разрушения.

Напоминая ему последние две строчки из ранее услышанной песни.

Ты хотел бы чувствовать себя лучше,

Ты хотел бы чувствовать себя лучше.

И он вспомнил слова старосты класса о том, что никто не будет его недолюбливать.

Даже со всеми его недостатками и несовершенствами, такими как сегодняшний полумесяц.

Внезапно Ли Тан почувствовал, что слова должны быть такими:

Я хочу, чтобы ты чувствовал себя лучше,

Я хочу, чтобы вы чувствовали себя лучше.

Никто не будет тебя недолюбливать.

Никто не откажется от надежды, что ты почувствуешь себя лучше.

<http://bllate.org/book/13923/1226759>